

Будить совесть!

Мы встретились с Банионисом на «Мосфильме» около полугода назад. Он снимался тогда в «Красной палатке» в роли итальянца Мариано, а говорил о Гойе. Затем на Ленинградской студии он работал над образом герцога Олбэнского в «Короле Лире», а тема нашей беседы была все та же — Гойя. Он признавался — главное сыграть эту роль. Но никак не верил, что его утвердят на нее. Утвердили. Сегодня у него проба с Альбой. Мы беседуем с ним о «Гойе», о фильме, который ставит на киностудии «Ленфильм» известный режиссер из ГДР Вольф Конрад по сценарию болгарского писателя Анжела Вагенштайна.

— Скажите, Донатас, что так привлекает вас в образе этого художника, жившего два столетия назад?

— Он современен. Помните его слова о том, что, если спит разум, пробуждаются чудовища? В тысячу раз эти слова актуальнее в наши дни. Ибо те, кого обличал Гойя в своих «Капричах», кажутся жалкими пигмеями по сравнению с «чудовищами» современного капитала, которые намереваются уничтожить самую жизнь на нашей планете. И каждый истинный художник должен постоянно будить совесть человечества, потому что он-то и есть частица того Разума, который не имеет права заснуть ни на

мгновение. Образ великого Гойи позволяет говорить об этом в полный голос.

— По-видимому, последняя работа заставляет вас время от времени оглядываться и на собственный путь в искусстве, анализировать его?

— Разумеется. И если говорить в целом, я считаю, мне повезло. В семнадцать лет меня приняли в труппу Паневежского театра, где я и работаю до сих пор.

В последние годы (особенно после нескольких выступлений в кино) мне нередко задают вопрос, не собираюсь ли я совсем перейти в кинематограф.

И я всегда отвечаю — нет. Я просто не смогу работать только в кино, так же как и в любом другом театре, кроме Паневежского. Не смогу расстаться с Мильтинисом, который двадцать восемь лет назад создал в маленьком литовском городке не только театр — основал свою школу.

— В кино вы играете, как у Мильтиниса?

— Во всяком случае стараюсь.

— А что это значит?

— Это значит прежде всего, понять внутреннее состояние человека, услышать и обязательно довести до зрителя

его диалог (именно диалог, а не монолог) с самим собой. Ведь каждый из нас прежде всего сам себя судит, убеждает в первую очередь самого себя в целесообразности и моральной оправданности того или иного своего поступка. Но с собою спорят не только те, кто совершает заведомо предосудительные действия. Столкновение противоречивых начал не минует и весьма положительных героев. Я пытался доказать это, играя Ладейникова в «Мертвом сезоне». Наверное, поэтому он так немногословен и так много думает.

Многие не соглашались с подобной трактовкой образа советского разведчика. Но ее принял Савва Кулиш, режиссер фильма.

— И снова о Гойе. Удастся ли вам преодолеть ту колоссальную дистанцию, что разделяет прежние ваши образы от образа гениального испанского художника?

— Не мне об этом судить. Скажу только, что все, прочитанное мною за последние несколько месяцев, связано с Гойей. Даже большинство писем, что получаю я от друзей. К тому же можно, мне кажется, говорить о том общем, что объединяет уже сказанное нами в «Мертвом сезоне», и то, что мы хотим сказать в «Гойе». Это: люди мира, не дайте пробудиться «чудовищам»!

В. СКУРАТНИК.

„Литовская правда“, 1969, 23 авг.